

литературными произведениями, каким было «Слово о погибели Руския земли», отрывок из которого вставлен, как известно, в состав «Задонщины» Ефросина.²³⁴

Типично светским литературным памятником была и «Повесть о Дракуле», дважды переписанная Ефросином. Литературное значение этого памятника заключается прежде всего в том, что автор его, может быть впервые в русской литературе, порвал с традиционной трактовкой центрального персонажа либо как благочестивого героя, либо как черного злодея и тем самым предвосхитил «открытие человеческого характера» в русской литературе XVII в. И в этом отношении весьма мало привлекательный Дракула чем-то напоминает центрального героя «Александрии». Александр в «Александрии» — не христианский праведник, которому обеспечено царствие небесное; без всяких душевных мучений он убивает своего учителя и отца — Нектанаву; в образе Александра явно важнее его авантюрно-приключенческие черты, нежели его добродетели. Одно место из «Александрии» даже прямо отразилось в «Повести о Дракуле». Когда Дарий прислал Александру послов, назвав его в грамоте «разбойником и гусаром», Александр решил было убить его послов и сказал им: «Не зазирайте мне о том, но царю своему ругайтесь. Аз бо царя его имам, а он мене разбойником нарече, то и сам главы вам посекал есть».²³⁵ В «Повести о Дракуле» рассказывается, что Дракула сажал недостаточно почтительных послов на кол, говоря им: «Не аз повинен твоей смерти — или государ твой, или ты сам. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и ненаучена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть».²³⁶ Перекликаясь с близкой Ефросину «Александрией», «Повесть о Дракуле» привлекала Ефросина и с чисто познавательной стороны, как интересный памятник о зарубежных (Валахия, Венгрия, Турция) событиях недавнего времени (середина XV в.).

«Задонщина» и «Повесть о Дракуле» — литературные памятники совершенно различного типа. Но в одном отношении их судьба была схожей. «Повесть о Дракуле» дошла до нас в списке Ефросина; наряду с ним сохранился еще один список этого памятника конца XV — начала XVI в. (ГБЛ, Рум. 358); все остальные списки относятся уже к XVII в.²³⁷ Древнейший список «Задонщины» также принадлежит Ефросину; сохранился один список конца XV — начала XVI в. (ГИМ, № 3045); далее традиция прерывается, и новый список относится уже к концу XVI — началу XVII в.²³⁸ Та же судьба постигла, наконец, и третий памятник, переписанный Ефросином, — «Сказание об Индийском царстве»: и здесь сохранился список Ефросина и его младший современник конца XV — начала XVI в. (ГБЛ, Волок. 309); все последующие дошедшие до нас списки — не ранее XVII в.²³⁹

²³⁴ Ср., например: А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Руския земли». — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 108 (А. В. Соловьев считает, что Ефросин записал «Задонщину» от гусяра, соединившего оба текста).

²³⁵ КБ-11, л. 70 об.; Новакович, стр. 44.

²³⁶ КБ-11, лл. 212—213; А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 657.

²³⁷ Ср.: А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 640—641.

²³⁸ Ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 195—197.

²³⁹ На это обстоятельство обратил внимание уже М. Н. Сперанский (М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве, стр. 369—370).